

ИУДАИЗМ, СОВРЕМЕННАЯ МЕДИЦИНА И ЭВТАНАЗИЯ: ТЕОЛОГИЧЕСКИЕ, ИСТОРИЧЕСКИЕ И ЛИТЕРАТУРНЫЕ АСПЕКТЫ

Не так давно парламент Нидерландов, а вслед за ним и парламент Бельгии приняли, возможно, самое неоднозначное решение за всю свою историю — легализацию активной эвтаназии¹, т. е. официально разрешили врачам убивать своих больных. Отныне в этих странах врач имеет право сделать больному смертельную инъекцию, если больной сам этого желает из-за невыносимых физических (или даже психических) мучений и его болезнь, по мнению хотя бы двух врачей, не дает шансов на излечение. Оценки этого закона диаметрально противоположны — одни восторженно кричат, что, наконец, достигнута вершина прав человека (и пациента), другие же утверждают, что это просто узаконенное убийство.

Отметим, что, согласно упомянутому закону, эвтаназия может безоговорочно применяться к пациентам начиная с 16-летнего возраста (правда, от 16-летних подростков требуется, чтобы они предварительно сообщили о своем намерении родителям, хотя это не влечет за собой каких-либо юридических обязательств), но для умерщвления детей старше 12-летнего возраста все-таки требуется нотариально заверенное согласие родителей. Судьбу детей младше 12 лет парламентарии в этом законе не уточнили — видимо, даже им стало страшно.

Первой реакцией на принятие закона об эвтаназии стал немедленный категорический протест всех основных религиозных конфессий.

Может быть, впервые в истории человечества раввины, священники всех ветвей христианства, мусульманские имамы, буддисты совместно заявили об абсолютном неприятии этого закона. Однако он не только противоречит теологическим постулатам всех религий, но и подрывает все постулаты медицинской этики.

Клятва Гипократа — моральный базис современной медицины, — которую дает каждый врач, приступающий к работе (и соблюдающий ее, если он действительно врач), прямо запрещает врачу убийство больных, даже по их просьбе, даже для прекращения страданий.

Так неужели врачей сделают клятвопреступниками? А может, медицинская этика, как и мораль, вообще не нужны? Мешают прогрессу?

Убийство больных и слабых, уже бесполезных для стаи, широко распространено в животном мире («Акела промахнулся!») — и щелкают клыки волчьей стаи вокруг оплошавшего старого вожака, однако не случайно его спасителем Киплинг выбирает Маугли — тот ведь человек, а не волк!).

Да, в человеческой истории было много неприглядного. Античная Спарта, тупиковый путь цивилизации, швыряла со скалы новорожденных, которые рождались больными или имели несчастье казаться слабыми. Вроде бы с таким «отбором» Спарта должна была стать лидером если не во всей Ойкумене, так хоть в Элладе. Но уже через несколько поколений это государство рухнуло и исчезло, не оставив никаких культурных ценностей, кроме презрительного изумления такой бесчеловечностью и, к сожалению, не всеобщего понимания, что «так жить нельзя». В суровые

времена викингов, в особенно неблагоприятные годы, когда не созрел ячмень, уходила от берегов рыба, погибал скот и угроза голодной смерти нависала над всем родом, новорожденных иногда выносили в лес на верную гибель (если их не подберет более удачливый соплеменник). Жестокость викингов вошла в поговорки, но скандинавские саги, описывая случаи с младенцами, вынесенными в лес, печально повторяют: «...но никто никогда не говорил, что это хорошо».

В некоторых человеческих обществах, находящихся на грани выживания в борьбе с природой, иногда «освобождались» от старых людей. Так, жители Чукотки во время бедствий и голода с согласия и по просьбе самих стариков душили их или оставляли одних в тундре (впечатляющие описания этого приведены, соответственно, в книгах «Алитет уходит в горы» Т. Семушкина и «Ошейник для вожака» А. Старостина). В других культурах это делалось и без желания старого человека («...на саночки и в лес!»).

А имеют ли вообще какое-либо значение для анализа и решения моральных проблем (в частности, эвтаназии) примеры из художественной литературы? Безусловно, да! Известно, что художественная литература на вопросы не отвечает, но она их ставит, и глупо не воспользоваться результатами чужих размышлений, так как можно сравнить полученные ответы и учесть их. Проблемы, связанные с эвтаназией, можно найти уже в текстах Апулея и Плиния Младшего. Многие писатели упоминают всегда актуальную проблему тяжело раненных во время боевых действий. В средние века каждый рыцарский оруженосец носил при себе так называемый «кинжал милосердия», которым он добивал получивших тяжелые поражения противников своего господина, если за них нельзя было успеть получить выкуп (В. Скотт, «Квентин Дорвард»).

Во времена Гражданской войны в России иногда раненые просили убить их, чтобы они не мучались: «...шляхта налетит, насмешку сделает» (И. Бабель, «Кон-армия»). Аналогичная ситуация во время русско-турецкой войны жестоко и страшно описана Б. Васильевым («Были и небыли»). Б. Васильев показал невыносимую тяжесть этой страшной ситуации, ведь убить своего товарища, пусть даже для избавления от страданий, невозможно для большинства людей. Боевые офицеры, прошедшие сквозь огонь и свою и чужую кровь, избавление от необходимости самому убить своего тяжело раненного сподвижника оценивают выше, чем спасение собственной жизни (А. Бушков, «Охота на пиранию»). Что же общего во всех этих литературных примерах (которых можно было бы привести еще очень много)? Прежде всего, это не эвтаназия, так как здесь в убийствах не замешаны врачи, ибо для всех упомянутых выше литераторов врач, в том числе военный врач, ни при каких условиях не может убивать своих пациентов. Это просто немислимо. Даже в романе-фэнтэзи К. Еськова «Последний кольценосец», представляющем собой яркий и парадоксальный «другой взгляд» на мир Толкиена (Д. Р. Толкиен, «Властелин колец»), военный врач, в запальчивости утверждающий, что для избавления раненого от пыток при попадании в плен допустим предусмотренный тамошним полевым уставом «укол милосердия» (т. е. перерезание сонной артерии), на иронический вопрос: но ведь сами же это делать не будете, на сержанта свалите? — растерянно, но убежденно соглашается. Да, сержант-рэнджер это сделать сможет, но врач — по определению нет.

Эвтаназию рассматривали и во многих научно-фантастических произведениях. Почему именно в них? А это только сейчас парламент Нидерландов «сделал сказку былью», до сих пор подобное шло по линии фантастики. Ну, как там, в будущем?

Человеку можно предложить помочь умереть (за небольшую плату), если у него возникли проблемы (личная драма или банкротство), и, пообещав сгладить религиозные противоречия, убедить, что жизнь все-таки хороша, и убить, когда ему опять захочется жить, — деньги ведь уже уплачены (А. Моруа, «Отель Танатос»). В антиутопиях А. Азимова «Камушки в небе» и Б. Стерлинга «Схизматрица» в далеком будущем все люди старше 60 лет подлежат ликвидации (естественно, кроме руководства контролирующих инстанций).

У некоторых писателей анализ проблемы эвтаназии проходит по страницам нескольких произведений. Так, выдающийся мыслитель, ученый-палеонтолог и писатель-фантаст И. Ефремов рассматривает этот вопрос начиная с «Таис Афинской» (в историческом порядке, а не в очередности написания романов), где в полном соответствии с исторической правдой показывает, что спартанцы добивали своих тяжело раненных. Мысленным «прыжком» через несколько тысячелетий Ефремов касается эвтаназии (вот здесь уже настоящей!) в «Туманности Андромеды». Здесь, осмотрев в первый раз тяжело раненного ученого, пострадавшего во время катастрофы, случившейся при научном эксперименте, врачи предложили собрать «консилиум смерти», т. е. осуществить эвтаназию. Однако благодаря тому, что для этого «консилиума» по нормам того времени были необходимы 22 врача, а сумели собрать только 20, эвтаназия не состоялась и хирургам все же удалось спасти пострадавшего. Здесь в романе отразился факт, хорошо известный всем опытным врачам, — прогноз никогда не является абсолютным. (В этом же эпизоде герои Ефремова вспоминают, что еще не так давно — в их временных рамках — «консилиум смерти» состоял из 60 врачей.)

Однако наиболее четкий и злой прогноз состояния в обществе после легализации эвтаназии Ефремов дал в своем знаменитом романе «Час Быка». Создание дворцов Нежной Смерти дало право «любому больному или уставшему» легко и безболезненно уйти из жизни. Очень быстро «право» стало обязанностью, и власти разделили все население на полезных «долгоживущих» (Джи) и «короткоживущих» (Кжи), которых и гнали во дворцы Нежной Смерти. (Что там говорится про благие намерения?)

В цикле из 16 научно-фантастических романов и повестей литератора из США Л. М. Буджолд, объединенных одним главным героем, можно четко выявить изменение морально-этических норм при жизни всего одного-двух поколений. Там, где считалось вполне допустимым перерезать горло раненому пленнику или задушить новорожденного, родившегося с аномалией, развитие общечеловеческой культуры (а вовсе не технологический прогресс) сделало это (хотя и в упорной борьбе) аморальным. В научно-фантастическом романе Т. Гуревича «Мы из Солнечной системы» эвтаназия отвергается полностью, несмотря на просьбы больного — «...даже в случае, когда исчерпаны все возможности, врач может погрузить больного в лечебный сон, рассчитывая на скрытые резервы организма».

Примеры можно было бы приводить и дальше — над проблемой эвтаназии размышляли многие писатели, но в абсолютном большинстве все они относятся к ней по крайней мере негативно, признавая обыкновенным убийством.

В конце концов, на чем же базируется логика современных защитников эвтаназии, что дает им уверенность в своем праве предлагать врачам убивать пациентов? Плохой прогноз болезни, отсутствие шансов на излечение? Все опытные врачи знают, что нет и не может быть стопроцентной точности прогноза, достаточного для прекращения жизни. Больные, восстановившие сознание после длительного нахож-

дения в коматозном состоянии, выжившие после тяжелейших травм... Любой врач с большим практическим опытом приведет свои примеры. Кроме того, нельзя умолчать о том, что возможны диагностические и прочие медицинские ошибки, которые станут фатальными в случае применения эвтаназии. А если, спрашивают сторонники эвтаназии, у пациента нестерпимая боль, он страдает? В настоящее время любая боль может быть снята современными медицинскими технологиями, и это не является обоснованием эвтаназии. Дороговизна обезболивания и ухода за больными? Тогда тем более странно, что эвтаназию легализовали не какие-нибудь нищие страны «третьего мира», а благополучные и процветающие Нидерланды и Бельгия. Вообще затруднительно понять логику действий нидерландских парламентариев, когда одни и те же люди выступают за безоговорочную отмену смертной казни (даже для серийных убийц), ссылаясь на безусловную святость каждой человеческой жизни, и одновременно призывают врачей становиться убийцами. Но если человек страдает, а медицина не может его полностью исцелить, может быть, у эвтаназии нет альтернативы? Есть — существующая (к сожалению, не везде) система хосписов — медицинских учреждений, где облегчают страдания больных, снимают боль, осуществляют уход. И это также является составной частью медицины, причем ее традиционной частью. Недаром один из выдающихся российских клиницистов XIX в. сказал: «Нет больных, которых нельзя лечить, есть больные, которых нельзя излечить полностью».

Чрезвычайно важно определить отношение иудаизма к проблемам эвтаназии. Ведь седьмой *Любавичский Ребе М. М. Шнеерсон² сказал: «Таинство смерти — это часть загадочного явления, к которому относятся также душа и сама жизнь».

Ответ на любой вопрос, в том числе возникший только сейчас, может быть найден в *Торе. *Талмуд рассматривает понятие «агонизирующий» и однозначно утверждает: «Агонизирующий считается живым. Запрещается ускорять его смерть». Мы видим, что этот запрет абсолютный и определенный. Все попытки сторонников эвтаназии утверждать, что ее можно применять при неизлечимых заболеваниях и в безнадежных случаях, опровергаются многочисленными случаями излечения, казалось бы, самых тяжелых больных, которые отмечены в мировой медицинской литературе и встречаются в практике каждого опытного врача. Мой личный двадцатипятилетний клинический опыт это также полностью подтверждает.

Надежда есть всегда, даже в самые тяжелые моменты. И Талмуд однозначно указывает: «Нельзя утверждать, что человек мертв, только на том основании, что кто-то видел его агонизирующим».

Седьмой Любавичский Ребе сформулировал отсутствие абсолютности врачебного прогноза даже при самых тяжелых заболеваниях: «Врачу свыше дано право лечить, но не предсказывать». Так что тяжесть заболевания сама по себе не является оправданием или обоснованием применения эвтаназии. Сама мысль о возможности убийства больного полностью противоречит основным постулатам иудаизма. М. М. Шнеерсон прямо указывает: «Сам факт, что Бог даровал человеку хотя бы один дополнительный день телесной жизни, свидетельствует о том, что этот человек еще не исполнил своей миссии на земле, что ему предстоит еще много совершить».

Последним аргументом защитников эвтаназии является то, что таким путем «облегчаются» страдания пациента, и это также якобы является «лечением». Дескать, сделали смертельную инъекцию, и пациент больше не будет мучиться. Да, для лечения врач может решиться на многое, но лишь во благо пациенту. Великий Раббам³ сформулировал, что, согласно Торе, ради излечения можно нарушить почти

все запреты, так как жизнь и здоровье человека превыше всего. Разрешено даже нарушать все законы *субботы, если только это требуется для лечения пациента. При этом Рамбам специально уточняет, что при лечении нельзя даже говорить: «Подождем немного, чтобы суббота закончилась», так как безусловен приоритет жизни и здоровья. Однако есть три закона Торы, которые никогда нельзя нарушать, даже при лечении больных. Это запреты на идолопоклонство, кровосмешение и, что особенно важно в рассматриваемой ситуации, запрет на убийство.

Следовательно, активная эвтаназия, с позиции Торы, является самым обыкновенным убийством.

Легализовав эвтаназию, законодатели Нидерландов и Бельгии одобрили убийства и подталкивают к их совершению. К тому же они подорвали одну из основ медицины — доверие больного к врачу — фактор, являющийся неизменным на всех этапах истории человечества, независимо от времени, географии, религии, культуры. Да, случается, что установить это доверие не удастся, но, увы, тогда мы имеем дело с недостаточным профессионализмом врача. В принципе, это отдельный разговор, далеко выходящий за рамки данной статьи, однако хотя бы несколько примеров из множества следует привести.

Александр Македонский, тяжело заболевший во время одного из походов, получил срочное сообщение от своего верного сподвижника Пармениона. Старый полководец доносил молодому царю, что личный врач Александра — Филипп отравил его, чем и объясняется эта тяжелая болезнь. То, что произошло затем, стало легендарным и нашло отражение в литературе и изобразительном искусстве. Александр, позвав врача, взял у него чашу с лекарством, выпил его и лишь затем передал Филиппу свиток с доносом. Так благодаря доверию к своему врачу Александр Македонский сохранил жизнь.

Король Англии Ричард I (Львиное Сердце), тяжело заболевший во время крестового похода в Святую землю, обратился за помощью к Рамбаму, личному врачу своего главного противника — султана Салах-ад-Дина (Саладина) и был им спасен, причем это произошло с разрешения султана, видимо, так же как и Рамбам, считавшего, что долг врача выше национальных, религиозных и политических разногласий.

Во Франции в XVI в., во время религиозных войн, кульминацией которых стала печально знаменитая Варфоломеевская ночь (1572 г.), лидер католической партии герцог Гиз получил в бою тяжелое, практически смертельное ранение. Его спас, проведя невиданно дерзкую и сложную по тем временам хирургическую операцию, великий врач Парацельс, гугенот (протестант) по вероисповеданию. Герцог сам призвал его, своего противника, для излечения, невзирая на религиозную рознь, и был спасен благодаря своему доверию к врачу.

Авиценна, Маймонид, Гиппократ, Парацельс, Гааз⁴, Швейцер⁵, Януш Корчак⁶ и многие тысячи других менее известных медиков создавали вокруг медицинской науки ауру любви к людям. И вот это, может быть, одно из самых ценных достижений человеческой цивилизации — доверие больного к врачу — уничтожается легализацией эвтаназии. В законопослушном европейском враче пациент может воистину увидеть «убийцу в белом халате», приготовившего ему смертельную инъекцию.

Слишком жестко сказано? Но это еще не самое страшное. В действительности Нидерланды стали не первой страной в мире, узаконившей эвтаназию, а лишь второй. Первой была гитлеровская Германия. Хотя об этом и думать противно, но это надо знать, ибо параллели здесь просматриваются очень неприятные и опасные. Ужасы гитлеровского режима начались с нацистской медицины. Одним из первых

злodeяний режима было решение об умерщвлении своих же, немецких новорожденных, родившихся большими или с врожденными дефектами. Это решение педантично осуществляли младшие врачи по указанию руководства. Кажется немислимым, но отказов от исполнении этих людоедских приказов практически не было, хотя в то время за отказ сделать младенцу смертельную инъекцию врача еще могли ожидать лишь небольшие служебные неприятности. Затем законопослушные врачи уничтожили всех детей и подростков, страдавших психическими заболеваниями и находившихся в лечебных учреждениях Германии.

Население воспринимало это как должное, поскольку власти объясняли, что данные акции, хотя и неприятны, но законны и чрезвычайно полезны для экономики Германии. В школьных учебниках математики в 1939 г. среди арифметических задач встречались и такие: «Всего в стране сто тысяч эпилептиков и двести тысяч астматиков. Один эпилептик стоит стране 3 марки в день, один астматик — 5 марок в день. Сколько марок в год удастся сэкономить, если всех этих больных расстрелять?» А вот когда «врачи», руководствовавшиеся национал-социалистическими идеями и законом об эвтаназии, приступили к тотальному уничтожению взрослых душевнобольных, то уже понадобилось построить первые газовые камеры. Затем нелюди в белых халатах проводили эксперименты над живыми людьми в концлагерях. Заодно в военных госпиталях уничтожались солдаты рейха, которые выжили после ранений, но остались тяжелыми инвалидами, содержание которых обременяло бы бюджет Германии...

И всему этому придавал легитимность закон об эвтаназии, впервые в мире принятый нацистской Германией. Прошло почти 70 лет, и Нидерланды стали второй в мире страной, которая законом разрешила эвтаназию...

Итак, с позиции Торы, активная эвтаназия является обыкновенным убийством, особенно омерзительным потому, что ее осуществляет врач и, следовательно, она полностью противоречит не только законам Торы, но и всем канонам медицинской этики, а также всему культурному опыту человечества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эвтаназия (эйтаназия, эутаназия — от гр. *eu* — хорошо, *thánatos* — смерть) — намеренное умерщвление неизлечимого больного с целью прекращения его страданий. — *Ред.*

² Шнейерсон Менахем Мендель (1902—1994) — раввин, лидер *хабадного *хасидизма, седьмой Любавичский Ребе (*цадик). Родился в Херсоне (Украина), изучал естественные науки, математику и философию в университетах Берлина и Парижа (Сорбонна). В 1950 г. в Нью-Йорке возглавил движение Хабад, в последующие годы его влияние как религиозного лидера еврейства вышло за пределы этого движения и ортодоксального иудаизма; его могила в Нью-Йорке стала местом массового паломничества. — *Ред.*

³ Маймонид Моисей (наст. имя Моше бен Маймон, в еврейских источниках сокращенно называется Рамбам, в русских — Моисей Египетский) (1135—1204) — крупнейший средневековый еврейский философ и теолог, по профессии врач; родился в Испании, жил в Марокко, Палестине и Египте, где и умер. — *Ред.*

⁴ Гааз Федор Петрович (1780—1853) — русский врач-гуманист; в качестве главного врача московских тюрем (с 1828 г.) добился улучшения содержания заключенных, организации тюремной больницы (1832), школ для детей арестантов. — *Ред.*

⁵ Швейцер Альберт (1875—1965) — немецко-французский мыслитель, близкий к философии жизни, протестантский теолог и миссионер, врач, музыковед и музыкант-органист. В 1913 г. организовал госпиталь в Ламбарене (Габон, Африка). Лауреат Нобелевской премии мира (1952). Основной его мировоззренческий принцип — «преклонение перед жизнью» как основа нравственного обновления человека; критерием развития культуры считал уровень гуманизма, достигнутый обществом. — *Ред.*

⁶ Корчак Януш (наст. имя и фам. Генрик Гольдшмидт) (1878—1942) — польский писатель, педагог, врач еврейского происхождения; в годы Второй мировой войны героически боролся за жизнь детей в Варшавском гетто, погиб в концлагере Трелинка вместе со своими воспитанниками. — *Ред.*